

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»**



**представляет
лучшие романы Сергея Алексева**

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Стоящий у солнца
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Страга Севера
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Земля сияющей власти
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Звездные раны
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Хранитель силы
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Птичий путь

* * *

Волчья хватка
Волчья хватка — 2

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

ВОЛЧЬЯ
ХВАТКА-2



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А47

Художник — *Андрей Липаев*
Компьютерный дизайн — *Галина Смирнова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Алексеев, Сергей Трофимович.

А47 Волчья хватка-2 : [роман] / Сергей Алексеев. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Сокровища Валькирии: лучшие романы Сергея Алексеева).

ISBN 978-5-17-090182-1

Милиция и прокуратура под началом ФСБ собирают материалы по делу без вести пропавшего гражданина США Каймака Михаила Идрисовича, шефа московской охранной фирмы «Горгона». В первую очередь следователя интересует личность Вячеслава Ражного, хозяина охотничьей базы, в чьих владениях и исчез Каймак. Сам Ражный давно не появлялся на базе, и никто не знает, где его искать. Никто, кроме соратников по Сергиеву воинству.

А в Сергиевом воинстве творится неладное. За два года по приговору Ослаба двести сорок восемь воинов Засадного Полка оказались в Сиром урочище, окруженном Вещерскими лесами, — вольные и вотчинные аракссы, лучшие из лучших. Туда же указан путь и Вячеславу Ражному, который в поединке с волком утратил ярое сердце, — таков был суд Ослаба. Ражный мог не принимать наказание и уйти в мир. Но сначала он хочет разобраться, к чему его приговорили — к пожизненной каторге или к поиску истины...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090182-1

© Алексеев С.Т.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

Сирое Урочище располагалось в северных Вещерских лесах и, несмотря на близость к обжитым землям, даже среди старых араксов считалось самым потаенным из всех иных урочищ воинства. Многие поединщики, будь то вольные или вотчинные, получив поручку, под любым предлогом оказывались в районе места схватки, дабы отыскать дубраву, прочувствовать силу, исходящую от земляного ковра, и приготовиться к поединку. И редко кто из них по доброй воле отправлялся на Вещеру, чтоб отыскать это мрачное, с дурной славой Урочище; все знали, что попасть в монастырский скит возможно лишь по приговору суда Ослаба и после обязательного послушания, которое длилось не меньше девяти месяцев.

Ровно столько, сколько требуется для зачатия и рождения нового человека.

По рассказам Елизаветы, если кто-то из поединщиков, разочаровавшись в мирской жизни и презрев обычаи, приходил в Вещерские леса, то мог блуждать здесь хоть до смерти, безрезультатно исхаживая пространство вдоль и поперек. Чаще всего люди теряли рассудок и ориентацию, хотя пытались двигаться по солнцу, звездам или компасу. Можно было, например, зайти с одной стороны и неожиданно оказаться совсем в другой, эдак за полсотни километров. Особо

упрямые исследовали лес шаг за шагом, от дерева к дереву, даже нитки натягивали, но все равно блуждали и, кому удавалось вернуться, говорили потом, что в некоем месте слышали голоса, крики, мычание скота, лай собак, стук топора, даже чуяли дым, запах свежеспеченного хлеба и отчетливо видели летающих пчел — одним словом, полное ощущение человеческого жилья.

У всех, кто хаживал в недра Вещерских лесов, в том числе и у местных жителей, существовало поверье: если забрел далеко и вдруг услышал треск сороки или назойливую кукушку, готовую сесть на голову, в тот же миг разворачивайся и пулей назад. Промедлишь и непременно заблудишься, или найдет помрачение ума, внезапное затмение, и очнешься потом неизвестно где и неизвестно кем: люди забывали, кто они, как их зовут, и не узнавали своих родственников.

Врачи называли это амнезией и полагали, что болезнь — заразная и передается неведомым путем...

Кстати, местные жители особенно здесь боялись сорочьего стрекота и не любили забираться далеко в лес; грибы, ягоды и прочие дары леса собирали поблизости от деревень и, когда ходили в его чащобные глубины по необходимости, говорили, будто там леший водит. И были уверены, что, кроме метеостанции, поставленной здесь еще с дореволюционных времен, в Вещерских лесах уже давно нет ни деревень, ни людей, ни тем паче монастыря. Да и самих метеорологов давно нет, поскольку из-за малозначительности результатов наблюдения попали под сокращение.

Когда-то здешние глухие леса были разделены просеками на три части, назывались дачами и принадлежали трем помещикам. Двое из них заготавливали древесину, сплавливали ее по речкам и продавали купцам, а третий жил за счет пахотных земель, леса не рубил,

слыл человеком набожным и странноватым, ибо к сорока годам все еще не женился. Соседи давно уговаривали его продать им свою дачу, и будто бы помещик почти согласился и поехал со своим объездчиком посмотреть угоды, чтобы назвать цену. Где уж он ездил и как, никто не знал, но вернулся только через два месяца, говорят, молчаливым и отрешенным, переоделся и, не сказав ничего своим домашним, тут же отправился в город. Сначала подумали, к нотариусу, оформлять сделку, однако прошла неделя, другая — забеспокоились и бросились на поиски. И обнаружили помещика лишь через два года в одном из северных монастырей, которому он отписал свою лесную дачу, а сам уже был иноком, принявшим обет молчания.

Обо всем этом поведал Ражному словоохотливый и веселый калик, коему было поручено сопроводить осужденного к одному бренке, обитающему возле Си-рого Урочища.

Всякий воин Засадного Полка с раннего детства слышал о бренках и знал почти всё; ими пугали, как пугают потусторонним адом, и разница состояла лишь в том, что чистилище для грешника начиналось после смерти и спровадить туда был во власти лишь суд Божий. В сиротство же можно было угодить при жизни и по суду живого и реально существующего, хотя и ослабленного человека — Ослаба. И адские страдания приходилось испытывать не бестелесной душе, а конкретному живому телу, чувствительному, болючему и до-вольно малоприспособленному для мук.

Однако, глядя на каликов, Ражный сильно сомневался, что в этом монастырском ските так уж уродуют тело. Сирий, что вел его на Вещеру, выглядел, как слобный румяный калач, только что вынутый из печи. Всю дорогу он отчего-то похохатывал, откровенно радовался жизни и балагурил без конца о низменности

мирского существования, задавая риторические вопросы.

Изредка он останавливался, отскакивал назад и прислушивался.

— Слышь, воин? — спрашивал потом. — Тебе не кажется, кто-то за нами идет?

— Не кажется, — бездумно бросал Ражный.

Калик грозил пальцем:

— Нельзя в Сирое дорогу показывать!

— Да нас по следам вычислят, кому надо.

— А где ты видишь следы?

На северной Вещере выпал снег и уже не таял, хотя земля еще не промерзла. Ходить в такую пору бесследно уже не удавалось, но когда Ражный оглянулся назад, то увидел, как стремительная, курчавая поземка замечает сдвоенные отпечатки ботинок.

— Это я задуюваю, — удовлетворенно похвастался калик. — А вот если кто прется сзади в пределах видимости, тогда плохо дело. Например, Сыч выследит, и будет нам наказание.

— Кто такой — Сыч?

— Ты что, не слыхал про него? У-у-у, лучше с ним не встречаться. Зверь! Говорят, совсем одичал, клыки выросли, когти...

— Да кто он такой?

— Аракс сумасшедший. Давно уж на Вещеру пришел и бьет всех, кто не понравится. Ему что калик, что послушник — не одного уж порвал. Требуется дорогу указать в Сирое. Вздумал поживиться за счет сирых, ума-разума поднабраться.

— Что же его в вериги не обрядят?

— Попробуй, поймай его, если озверел! — как-то восторженно сказал калик. — Хотели заковать, но ведь Сыч — птица ночная и летает бесшумно. Да и настоящая ему потакает.

— Это еще зачем?

— Скажу по секрету: чтоб послушники не расслаблялись. А то ведь думают, коли свели на Вещеру, можно делать все что захочется. Иные чуть ли не вертепы тут устраивают. Мало того, что женщин воруют в окрестных селах, — несчастных сорок обижают, кукушкам проходу не дают. Они, горемычные, вынуждены по деревьям прятаться, в дуплах отсиживаться. Сыч, он у настоятеля вместо нештатного надзирателя и палача. А в Урочище все равно пройти не может. Но если кто вольно или невольно дорогу ему покажет!.. Самый бедный будет на Вещере. В цепях сгноят заживо.

— Тебя сгноят, не меня, — отмахнулся Ражный. — Я дороги в Урочище не знаю.

Сирый откровенно захохотал:

— Разве можно наказать... ой, не могу!.. уже наказанного?! Ну ты чудило!

— А тебя за что упекли?

Калик остановился, поднял палец и вымолвил искренне, со слезой в трепетном голосе:

— Ни за что! Всю жизнь был чист и безгрешен, как ангел!

Узнать, за какую провинность он попал в Сирое Урочище, было невозможно даже под пыткой. И это говорило о его приверженности Сергиеву воинству, несмотря на то что калик бесконечно валял дурака.

Всю дорогу он не один раз пытался искусить Ражного, обращаясь мелким бесом: сначала намекал, мол, делать в Сиром нечего, тем паче холостому, на что тратить-то лучшие годы? На сидение в лесу, среди осужденных араксов, считай, зеков? Среди безвольных, лишенных своего «я», а то и сумасшедших людей, прикованных к камням? И повиноваться настоятелю, который ну просто зверь и еще страшнее

Сыча? Будто бы каждый день он выходит из своей кельи и бьет железным посохом сырых, и ладно, если попадет по мягким местам, а то всем строптивым достается по лбу наверху. А наверху кованое, в виде желудей и дубовых листьев, поэтому на коже остается печать. И чем чаще попадает тебе от настоятеля, тем больше шишка, так что у иных ослушников эти желуди уже на лбу растут.

Ражный даже не откликнулся на его речи и вообще шагнул за каликом молча, как и положено приговоренному, пока этот болтливый конвоир не потерял терпение.

— Ты хоть понимаешь, что осудили тебя не по справедливости? — остановившись, спросил он. — Или голова у тебя не варит? Не соображаешь, что это — заказ?

— Какой заказ? — Ражный тут же пожалел, что не сдержался.

— А такой! Как сейчас заказывают?

— Хватит брехать, сырый...

Тот огляделся и склонился к уху:

— Как ты думаешь, Колеватый обиделся на тебя?..

То-то!..

— Хочешь сказать, Ослаб заказы принимает?

Калик слегка отшатнулся:

— Я этого не сказал. Но Ослаб, да будет тебе известно, из ума выжил. Колеватый челом ударил и оговорил тебя.

Ражный вспомнил последнюю встречу с генералом в Министерстве обороны и ухмыльнулся:

— Ну ты интриган!.. По башке тебе дать, что ли?

— Можешь, конечно, — согласился сырый. — Раз дашь — не встану...

— Колеватый — не тот поединщик, чтоб заниматься мерзостями!

— Ладно! Согласен!.. А если боярин тебя заказал? Пересвет наш любимый? Почуял, на пятки ему наступаешь, и вывел из игры? Ведь года через два-три ты бы двинул на боярское ристалище? Силами с Воропаем помериться? Он же твоего отца изувечил и шапку отнял. Да ты ведь устраивал с ним потешный поединок! Говорят, чуть только не уложил. Говорят, пожалел в последний миг... Это правда?

Редкостный калик попался, прозорливый: даже если смутить хотел, то недалек был от правды или по самой ее грани ходил, как эквилибрист, ибо Ражному приходили такие мысли...

— Жалко мне тебя, Ражный, — пользуясь молчанием, уже с тоской заговорил сирый. — Не по правде тебя осудили. За что?.. Ярое Сердце утратил?.. А кто его не утратил, если столько лет нет войны? Начнется война, и загорится сердце. Первый раз, что ли?..

— Молчи, калик!

— Ты погляди, как подло тебе поединок устроили? С волком свели, которого ты вырастил! Которому был вожак стаи! Растравили зверя, сволочи, железом отпежили, глаз выбили и свели! И это все опричники Ослаба! А они без приказа...

— Да заткнись ты! — рявкнул Ражный и пошел вперед.

Калик догнал, заступил путь:

— Я-то заткнусь, но об этом сейчас все воинство говорит! Даже иноки недовольны, ворчат...

— Что ты хочешь? Тебе что нужно?

— Ну на хрен тебе в Сирое, сам подумай, а? — вдруг возмутился сирый, забегая то с одной стороны, то с другой. — Я же тебя не держу, да ты и помоложе, поздоровей меня... Плюнь ты на это дело, разворачивайся и дуй на все четыре стороны. Знаешь, сколько ныне проживает в Урочище и мытарится? Ё-ё-ёп!.. Сроду

столько не было! Двести сорок восемь засадных душ, милый мой! Да еще нас, каликов, два с половиной десятка. Это я не беру в расчет еще одну категорию насельников...

— Какую?

— Немазаную-сухую!.. Скоро весь Засадный Полк будет сидеть в Сиром! В Урочище места не хватает, по чердакам живут. Две казармы срубили, заселили под завязку и уже третью заложили!.. Я уже водить вас устал. Каждую неделю вожу по одному такому, как ты! А Ослаб все судит, судит...

Ражный слушал его вполуха, но названные цифры сложились в уме сами собой и заставили остановиться.

— Сколько сейчас в Сиром?

— Должно быть, двести семьдесят четыре с тобой будет. И с нами...

— Ничего себе...

— Это за два года, Ражный! — загорячился сирий. — Причем самых лучших араков!.. Вольных скоро совсем на воле не останется, половину сюда загнали. Теперь вот и за вотчинников принялись...

— Погоди, а за что?

— Была бы шея! Петля найдется!.. Кого за что: занялся, например, банковским бизнесом без благословения Ослаба — изменил воинству, нельзя деньги в рост давать. Один такой банкир уже на Вещере отдыхает. Драч — слышал? За несколько лет такие деньги сделал! Считай, можно было весь Засадный Полк содержать. Нет же, сюда спровадили... За жестокость, например, в поединке или, наоборот, как тебя, за утрату Ярого Сердца... Да что там! За прижитых на стороне детей стали в Сирое загонять! А ведь разумные Ослабы когда-то даже поощряли за такое, чтоб кровь народа омолодить кровью араков. После войны, помню, был тайный указ молодым засадникам вдовушек ласкать... И мы ласкали! А что их не

ласкать-то, страдалиц? Какие потом ребятишки выросли! Посмотреть любо-дорого...

— И скольких же ты уговорил не ходить в Сирое? — в упор спросил Ражный.

Калик отступил:

— Одного все-таки уговорил. Потому что умный оказался, а остальные дураки, как ты.

— И всего-то?.. Тогда лучше молчи.

— А ты теперь посчитай, на сколько разделят тебя? Что будет представлять твое «я», сообразил?.. Или не врубаешься в тему? Ты что, на гражданке не найдешь себе применения? В спортсмены иди, завоеешь кучу олимпийских медалей, бабок нарубишь прорву, в загранку махнешь, какой-нибудь замок купишь или дворец! Ну что тебе делать в этом скиту? Тем паче холостой, а ведь у нас никогда не женишься!

Ражный шел вперед не оглядываясь, сирый забежал с другой стороны:

— Смотри, дальше: лет через десять при самом хорошем раскладе тебя обратят в калики. Ну и что? Будешь ходить и разносить араksam поруки? Да это же тебе, вотчиннику, запаadlo должно быть! Тем паче ты в Свадебном поединке уделал самого Колеватого! Ничего себе, планку взял!.. Теперь что? В калики после этого, в рабы? Чтоб все над тобой потешались, помыкали?.. Ну, если даже оценят твои способности — ты ведь у нас Ражный! — и поставят на ветер, разве это жизнь?

— Что значит «поставят на ветер»? — без интереса спросил он, хотя никогда не слышал такого выражения.

Калик понял, что сболтнул лишнее, и замялся:

— Потом все узнаешь, после покаяния. Дело неблагодарное и неблагородное... Подумай, воин! Что тебя ждет?

Ражный шел, опустив голову, как и положено осужденному араксу, а калик стрелял в него цепкими глазами и продолжал развивать тему:

— Я б на твоём месте враз слинял. Что ты держишься за воинство? Кому мы нынче нужны? Отечеству? Или самим себе только?.. Нравы, обычаи — все старье, хлам. А посмотри, какая жизнь вокруг? Если жить с умом...

— Иди и живи. Ты-то что не уходишь?

— Не дети, давно бы ушел, — вдруг искренне признался калик, хотя в искренность этих сирых верить было нельзя. — Четыре сына у меня, по возрасту такие, как ты... Гнал их — не идут, на что-то еще надеются... А один уже в Сиром отдыхает.

И показалось, голос калика треснул и размяк от внутренних слез. По крайней мере, он замолчал, обогнал осужденного и часа полтора без оглядки шел впереди — возможно, плакал про себя, и от этого Ражный поймал себя на мысли, что еще не верит сирому, но очень хочет верить, поскольку и сам давно почувствовал некое странное брожение внутри Засадного Полка.

Что-то и в самом деле происходило в Сергиевом воинстве, скрытое от глаз самих араксов. Опричник Радим впрямую говорил: уходи в мир, а вернешься — другой Ослаб будет, суда избежишь... И несостоявшийся тесть Гайдамак намекал на некие события, творящиеся и среди иноков, и в окружении Ослаба, в тайной опричнине...

Что-то взбаламутило привычную жизнь засадников, и особенно жизнь стариков, задачей которых было обустроить будущее существование воинства, заботиться о продлении своих родов, женить внуков, правнуков и выдавать замуж внучек-правнучек, следить, чтоб мир был в молодых семьях, мир и дети. Если через девять месяцев после женитьбы не рождался наследник, старики себе места не находили, устраивали строгий спрос с молодого аракса, мол, что, внучка

моя — бесплодная, коль не беременеет? Или ты никуда не годен?

Молодые обязаны были доказывать плодородность своих родов, и если оказывалось, что жена и впрямь не может понести дитя, старики сами забирали ее от аракса и уводили в Вещерские леса, где несчастная потом жила в одиночестве и называлась сорокой. А засаднику приводили другую невесту, и все начиналось сначала...

Так рассказывала кормилица Елизавета...

Почему Гайдамак не захотел отдать в жены свою внучку, с которой Ражный при его участии был обручен? С которой по его же воле отпраздновали восторженный праздник Манорамы... Прощения попросил, но не снял своего вето, не взял назад свои слова и невыполнимое для аракса условие — встать на колени и просить руки невесты, зная, что он никогда этого не сделает...

А потешный поединок с Пересветом — не причина, чтоб лишать правнучку женской судьбы, чтоб она до смерти куковала в Вещерских лесах...

Почему инок не захотел связать свой род с достойным ловчим родом Ражных?

А потому, что знал судьбу жениха, знал о предстоящем Судном поединке! Гайдамак знал все! И не он ли увел Молчуна в тот вечер, возле дома Оксаны, чтоб вернуть его в звериный образ и выставить против Ражного на Судном поединке?

Что-то происходит в Сергиевом воинстве, и калик, похоже, не искушает, не врет...

Однако тот вдруг остановился, обернулся веселый и хитро прищурился.

— Слушай, Ражный, давай так, — сказал с задором. — Я тебя подведу к нормальному бренке. К знакому, который меня уважает, а значит, и моих кли-